

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 + 76.02(2)

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ И ЦЕНзуРА В ГОДЫ НЭПа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП)

© 2020 г. А.В. Хрусталева

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия*

Дата поступления статьи: 12 мая 2020 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-392-411>

*Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00394
«Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных
организаций 1920–1930-х гг.*

Аннотация: Цензурные процессы эпохи НЭПа в провинциальном книгоиздании во многом зависели от человеческого фактора. Вплоть до 1928 г. в основных этапах движения рукописи, после прохождения которых на разрешительной карточке для типографии ставилась специальная виза, могли пропускаться отдельные звенья, что иллюстрирует случай саратовского литератора Л.А. Словохотова. Изучение документов фондов национальных меньшинств демонстрирует более лояльное отношение к печати на иностранных языках по отношению к православным средствам массовой информации. Передовица ведущего издания поволжских немцев 1926 г. не содержала ни портрета В.И. Ленина, ни какой-либо информации о нем в годовщину октябрьских событий. Католические катехизисы в Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья печатались тиражами, превышавшими выпуск произведений пролетарских писателей. При сравнении двух документов видна некоторая абсурдность ситуации, когда один и тот же тип календаря разрешен к печати для немецкого населения, но запрещен для русского. Все изложенные факты призваны свидетельствовать о необходимости активнее изучать разрешительные карточки для типографий.

Ключевые слова: литературный процесс эпохи НЭПа в провинции, советская литература, цензура в области печати, Л.А. Словохотов, религиозный календарь как издание для масс, «Унзере Виртшафт».

Информация об авторе: Анна Владимировна Хрусталева — доктор филологических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, 410012 г. Саратов, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

Email: tevlin1982@mail.ru

Для цитирования: Хрусталева А.В. Провинциальная печать и цензура в годы НЭПа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 392–411.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-392-411>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

REGIONAL PRESS AND CENSORSHIP IN THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD (SARATOV, SAMARA REGIONS, AND THE GERMAN AUTONOMY)

© 2020. A.V. Khrustaleva

*Chernyshevsky Saratov National Research
State University,
Saratov, Russia*

Received: May 12, 2020

Date of publication: September 25, 2020

Acknowledgements: This work was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00394 “Transcript”: Politics and Literature. Digital Archive of Literary Organizations of 1920–1930s.

Abstract: The censorship process during the New Economic Policy Period was rather unbalanced due to the human factor. Up until 1928, certain stages of censoring the manuscript that started with initial reading and resulted in the approving mark on the typographical card, could be omitted, as the case of Saratov author L.A. Slovkhotov illustrates. The study of the archives shows that the attitude to the media in foreign languages issued by national minorities was more lenient than the attitude to religious media in the Russian language. The 1926 editorial of the leading newspaper of the German minorities of the Volga region had no reference to either the October Revolution or Vladimir Lenin. The German Autonomy published Catholic literature that beat the circulation of the proletarian literature. Censors approved the publication of a religious calendar in German and banned the same type of calendar in Russian. These facts demonstrate that we should examine typographical cards more carefully than hitherto practiced.

Keywords: literary process of the New Economic Policy Period in the regions, Soviet literature, publishing censorship, L. Slovkhotov, religious calendar, “Unsere Wirtschaft”.

Information about the author: Anna V. Khroustaleva, DSc in Philology, Chernyshevsky Saratov National Research State University, Astrakhanskaya 83, 410012 Saratov, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

E-mail: tevlin1982@mail.ru

For citation: Khroustaleva A.V. Regional Press and Censorship in the New Economic Policy Period (Saratov, Samara Regions and the German Autonomy). *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 3, pp. 392–411. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-392-411>

История советской цензуры не является исключительно сферой общегосударственной историографии. Функционирование института цензуры первых послереволюционных десятилетий во многом определило своеобразие литературного процесса того времени. И дело не только в том, что цензура обладала властью запретить или открыть писателю и его произведению дорогу к читателю, но и в нелепом и непредсказуемом, нелинейном выполнении ее предписаний, которое особенным образом сказалось на литературном лице как столицы, так и провинции.

Редакционно-издательская политика в регионах была обусловлена не только циркулярами Главлита, но также личностными и ценностными ориентирами цензоров на местах. В эпоху политической турбулентности человеку, облеченному властью принимать решения в печати, надо было систематически заниматься идеологическим самообразованием, чтобы вникнуть в суть изменений в списках допустимого и запрещенного. В перечне литературы, рекомендованной для использования в саратовских библиотеках, к середине НЭПа уже отсутствовал Н.А. Некрасов (не рекомендовалось прибегать к его творчеству и в кружках самодеятельности клубов и школ), оставалось мизерное количество произведений Н.В. Гоголя и А.П. Чехова, появились современные авторы, пишущие на остро-бытовые темы. Эти изменения, скорее политические, чем эстетические по своей сути, требовали быстрого реагирования. Однако уровень политической грамотности цензоров (наравне с художественным вкусом) подчас был низок: они не разбирались в сути борьбы Сталина с левой оппозицией, пассивно ожидали команд «сверху», что приводило к появлению в печати политических анахронизмов.

Как свидетельствуют современные исследования [1–4; 6–15; 20; 22–23], в большинстве регионов официальное утверждение контроля над печатью происходило с отставанием от Москвы в пределах нескольких лет. Полагаем, что дальнейшее изучение темы выявит определенную взаимосвязь между годом утверждения цензуры в конкретном регионе и формированием в нем ячейки пролетарских писателей. Видимо, эти отношения взаимозависимости определяли процесс и далее: чем раньше в том или ином регионе были учреждены органы советских литературных институций, тем меньше его литературное лицо отличалось от столичного к концу НЭПа. Далее в статье будут рассмотрены факты из истории печати в Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья (АССР НП), где наличие ячейки пролетарских писателей фиксируется только 1926 г. (в то время как в центре первый пролетарский писательский союз «Кузница» появился в 1920 г., а в 1925 г. он уже представил свою яркую продукцию на всесоюзный рынок — романы Ф. Гладкова «Цемент» и «Доменная печь» Н. Ляшко). В провинциальных «отстающих» регионах наблюдались различные специфические искажения общего курса, как, например, в Саратове, где не было противостояния между ВАПП и Пролеткультом и писатели из разных литературных организаций проводили заседания в одном помещении.

Безусловно, ретардация литературных процессов была связана с удаленностью того или иного провинциального города от столицы. Эта удаленность сопровождалась сравнительно невысокой скоростью коммуникаций (получения циркуляров и пр.), так, например, списки разрешенных пьес приходили в Саратов с опозданием¹. Еще одна причина отставания провинции от центра была связана с дефицитом кадров — общая черта существования провинциальных органов цензуры как в XIX, так и в XX в. [18]. Но удаленность не единственная причина идеологических искажений в практике провинциального цензурирования. Значительную роль играл фактор финансирования. Провинциальная цензура субсидировалась из местных региональных средств, как следует из свидетельства самарского архива: «...содержание местного управленческого аппарата <...> полностью отнесе-

1 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Саратовский губком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Ф. 27. Оп. 4. Д. 945. Л. 33.

но на средства местного бюджета»². Многие губернии в 1920-е гг. могли рассчитывать на ограниченные финансы и не располагали ресурсами для трудоустройства высококвалифицированных кадров. Например, в Петровской волости Саратовской губернии статья фактического волостного дохода на период 1926/1927 гг. зафиксирована в объеме 82738 руб., что было очень скромной для того времени суммой, как будет показано далее. В связи с неравномерным финансированием цензурный надзор внутри губернии учреждался там, где на эти цели были изысканы средства. Например, в упомянутом Петровске институт цензуры упоминается не ранее 1925 г. [22, с. 325].

Наконец, постановка цензурного дела осложнялась потерей координации между функциями сотрудников Губернского управления по делам литературы, издательств и контролю за репертуаром (Гублит) и Агитационно-пропагандистского отдела (АПО) партии. Хаотичность взаимодействия органов государственной и партийной цензуры была характерна для Нижнего Новгорода [14]. Мы наблюдаем ее и в Саратовской губернии. Так, в Кузнецк Саратовской губернии «привезли рекомендацию о том, что посылается <...> оперетта с выдержанным репертуаром, согласованным с Гублитом. Приезжает оперетта, через 28 часов отношение Агитационно-пропагандистского отдела — ни в коем случае не допускать оперетты»³.

Партийное вмешательство довольно часто происходило после прохождения всех уровней государственной цензуры, хотя могло иметь место на любой стадии рецензирования подцензурного произведения. В рассмотренном примере, касающемся утверждения либретто оперетты для кузнецкого театра, вмешательство было осуществлено бывшим губернским цензором Е.Б. Шульманом, теперь находившимся на должности сотрудника АПО. Характерно, что, возглавив впоследствии саратовские учреждения культуры, Шульман начал сокращать цензурные звенья: он отправлял подлежащую визированию документацию непосредственно в Москву, понимая затяжной характер провинциального разбирательства.

Другим примером непродуктивного дублирования функций контроля между Гублитом и АПО в провинции является история постановки пье-

2 Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Куйбышевское краевое управление по делам литературы и издательств. Циркуляры и инструкции Главного управления по делам литературы и издательств. Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

3 ГАНИСО. Саратовский губком ВКП(б). Ф. 27. Оп. 4. Д. 944. Л. 38.

сы «Штиль» В.Н. Билль-Белоцерковского⁴. Ей предшествовало множество совещаний саратовских апоргов 1926 г., сомневавшихся в допустимости включения пьесы в репертуар. Как следует из списков, распространяемых Главреперткомом, «Штиль» уже был к тому времени разрешен к постановке на сценах страны.

Таким образом, в провинции периода НЭПа в системе контроля над массовыми зрелищами и печатью имела место неупорядоченность из-за большого количества цензурных звеньев и дублирования полномочий органов государственной и партийной цензуры. Область принятия цензурных решений в эти годы стала полем столкновения идеологии партии и «корпоративно-цеховой» воли тех профсоюзов и кооперативов, которые располагали средствами для поддержания культурных начинаний. Эти две стихии образовали некий контрапункт, в котором голос партии звучал с нарастающей силой, но еще не подавил собой живые низовые культурные инициативы. Так, отдельные профсоюзные клубы Саратова и Самары на протяжении НЭПа периодически ставили на театральных подмостках художественные произведения по выбору и вкусу своих руководителей (не всегда, кстати, политически благонадежных), за что постфактум получали выговоры и взыскания.

Представляется, что существовало два основных способа ознакомить читателя и зрителя с произведением в короткие сроки. Во-первых, можно было обратиться в губернские типографии, расположенные в городах, где нет издательств. Во-вторых, более быструю дорогу к потребителю открывало размещение текста в печати на территории компактного проживания национальных меньшинств. Здесь существовали кооперативы, профсоюзы, иные общественные организации со слабой степенью «окоммунизированнойности», готовые спонсировать книгоиздание, продвигать альтернативную культурную продукцию. Так, в АССР НП в период НЭПа все еще распространялись издания немецкой эмиграции, выходившие в Германии и США, позже запрещенные на территории автономии.

De jure движение рукописи провинциального автора по вертикали государственной цензуры должно было выглядеть следующим образом: сначала текст рассматривался низовым звеном, например, районным

4 Там же. Саратовский губком ВКП(б). Ф. 27. Оп. 4. Д. 737.

уполномоченным по делам литературы (Райлитом), далее он оказывался у губернского цензора (Гублит), затем направлялся в Главлит, и только после этого, при наличии виз на разрешительной карточке, появлялся в типографии. Но в течение небольшого временного промежутка, в период раннего НЭПа, в провинции сохранялась возможность публикации произведений без визы Главлита, только на основании местных надзорных решений. И некоторые литераторы успешно использовали эту возможность, чтобы обойти ряд цензурных звеньев.

Наиболее удобными для осуществления подобных планов оказались удаленные от Москвы регионы, где функционировали печатные станки, но не было своих издательств. Именно сюда проникали для печати книги, не визированные цензором той губернии, к которой относилось издательство. Эта возможность сохранялась до конца НЭПа. Что же касается АССР НП, там существовал собственный Главлит, не согласовывавший свои решения с компетентными органами губерний. На подобного рода территории могла существовать возможность публикации рукописи, запрещенной в другом регионе, что следует иметь в виду при восстановлении историй запрещенных текстов.

Небольшое, в целом, число издаваемой в провинции в годы НЭПа литературы объясняется тем, что автор проходил жесткую фильтрацию по финансовой обеспеченности его издательского проекта. Большинство текстов облагалось полистным сбором уже на этапе первичной подачи в контролирующие органы. После денежной реформы 1922–1924 гг. сбор составлял 1 руб. 50 коп. золотом за печатный лист текста (40000 знаков)⁵, что, думается, обеспечивало отсеивание немалой доли энтузиастов. Варьируемая такса существовала для всех жанров, включая устные — частушки, эстрадные куплеты. Почтовые и иные расходы оплачивались отдельно. Полистный сбор за публикацию романа или большого учебного пособия в середине НЭПа мог быть эквивалентен месячной заработной плате губернского жителя.

Если обратиться к Саратову, очевидно, что возможность книги попасть в план регионального государственного издательства была маловероятной. Значительное количество культурных институций того времени было

5 ЦГАСО. Куйбышевское краевое управление по делам литературы и издательств. Циркуляры и инструкции Главного управления по делам литературы и издательств. Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

убыточно. Не могли существовать без дотации и средства массовой информации. «Совпартиздат» (так называлось саратовское издательство) с 1926 г. имел дефицит около 36000 руб. ежемесячно⁶, причем его работа сопровождалась кризисными настроениями печатников, нехваткой бумаги и переводом сотрудников на сокращенный рабочий день для сохранения загруженности заказами. Эта организация не показывала рентабельность и ранее.

Бумажный кризис, как известно, затронул все сферы деятельности.. Государство, снабжавшее культуру по остаточному принципу, дотировало лишь издание идеологически значимых книг. Убыточны были и дома работников просвещения, сотрудники которых могли способствовать проведению литературных и культурных мероприятий. Например, в приходно-расходной смете профсоюза работников просвещения Саратова за I полугодие 1927 г. содержатся сведения о дефиците в 5678 руб.⁷, что эквивалентно стоимости в том же году в саратовских торговых пунктах около 8000 кг мяса (при средней цене в 70 коп. за килограмм). В Новоузенске профсоюз работников просвещения был убыточен за первое полугодие 1927 г. на 322 руб. 44 коп.⁸ Дом работников просвещения в Аткарске зафиксировал в приходно-расходной смете дефицит в 795 руб.⁹

Наконец, выпуск многих видов печатной продукции был заведомо экономически проигрышным по сравнению, например, с кино. Каждый просмотр фильма приносил в кассу вплоть до 70 коп. со зрителя, а удачные фильмы смотрелись повторно. В условиях невысокой рентабельности, таким образом, значительное количество провинциальной литературы периода НЭПа было издано авторами за свой, а не государственный счет или при поддержке обеспеченных профсоюзных организаций и частных лиц.

Легко догадаться, что в рассматриваемый период в провинциальных регионах вряд ли мог наблюдаться бум книгоиздания и литературно-художественный расцвет. По этой причине полезно сравнить цензурную политику по отношению к скудно представленной художественной литературе и значительно более распространенным эстрадным жанрам.

6 ГАНИСО. Ячейка ВКП(б) Крайиздата Фрунзенского района г. Саратова. Протоколы общих собраний 1925–1926 гг. Ф. 58. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 14.

7 Там же. Саратовский губернский отдел профсоюза работников просвещения. Протоколы. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 208. Л. 2.

8 Там же. Д. 310. Л. 11 об.

9 Там же. Д. 308. Л. 54.

Произведения, исполняемые на эстраде и адресованные «широким массам трудящихся», явно должны были соответствовать более жестким критериям отбора. Среди запрещенного самарского репертуара эпохи НЭПа есть следующий куплет:

Зажила по-прежнему улица почтовая,
 Улица блестящая нэпманская новая.
 Если жизнь тяжелая, если жизнь кошмарная,
 Пропади ты пропадом улица шикарная¹⁰.

В произведении саратовского писателя А.С. Яковлева «Терновый венец» [26], изданном в столице в 1921 г., реалистично описывается вынужденное убийство матерью ребенка во время голода в Поволжье, явно превосходящее по силе эмоционального воздействия «кошмарную жизнь» из приведенного куплета. Сборник «Черная година» [24], вышедший в Саратове в 1922 г., содержит не только конкретные данные о пострадавших от голода, но и описания случаев людоедства. Таким образом, цензорами эпохи НЭПа предъявлялись разные требования к поданным на утверждение текстам. Эти требования менялись в зависимости от жанра, специфики, целевой аудитории текста и личных вкусов цензора.

Что касается вкусов читателей, то в провинции они мало отличались от столичных. Большинство саратовских и самарских посетителей библиотек периода начала и расцвета НЭПа запрашивало книги сверхпопулярного тогда Л. Синклера, исключительное право на издание которого в СССР приобрел Госиздат¹¹.

Интересна в этом отношении цензурная история брошюры, автор которой отстаивал преимущественное право на публикацию русских, а не иностранных авторов. Как известно, вплоть до середины НЭПа всерьез ставился вопрос о целесообразности изучения русских авторов дворянского происхождения и мировоззрения в советской школе. Выдвигалось пред-

¹⁰ ЦГАСО. Куйбышевское краевое управление по делам литературы и издательств. Квартальные отчеты. Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 20. Л. 10.

¹¹ ЦГАСО. Куйбышевское краевое управление по делам литературы и издательств. Циркуляры и инструкции Главного управления по делам литературы и издательств. Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

положение, что в практическом деле обучения пролетариата А. Франс позднее А.С. Пушкина. Автор брошюры «О классиках русской литературы» провинциальный литературовед Л.А. Словохотов (о нем см.: [21]) попытался выступить «адвокатом» классиков и доказать с вульгарно-социологических позиций необходимость для советского читателя культурного наследия прошлых веков. Каждому классику он отвел свою роль в подготовке читателя к послереволюционной эпохе: «...Гоголь лучше всех вскрыл самоуправство и самодержавие дворян. Некрасов каждым стихотворением дал обвинение нерушимой стене крепостничества. Достоевский принял на себя защиту униженных и оскорбленных... Салтыков-Щедрин осмелел чиновную Россию» [19, с. 108]. Любопытно, что в книге есть фрагменты, где превозносятся исключительные достоинства Троцкого как оратора и исследователя народного быта и литературы, и это в 1927 г., когда восхваление вождя левой оппозиции было более чем неуместно. Поскольку житель Саратова Словохотов не имел славы Синклера, то для публикации своих произведений он также предпринял действия для обхода лишних цензурных звеньев.

К середине НЭПа Саратов был более развитым в книгоиздательском отношении городом, чем Самара, где не было ни одного собственного издательства и функционировали лишь типографии. Но Словохотов отправился печатать свой труд в город Балаково, относившийся к Самарской губернии. Провинциальный литератор не получил разрешение регионального Гублито, и книга, которую автор печатал за свой счет, была передана в типографию с визой районного уровня. Однако маневр Словохотова не остался незамеченным, как следует из приводимого ниже документа.

СРОЧНО. СЕКРЕТНО. МК 15
РАЙУПОЛНОМОЧЕННОМУ ЛИТО г. БАЛАКОВА
Исх. № 38 от 22/06/1927

Сам<арское>Гублито предлагает Вам впредь не выдавать разрешения на периодические издания и брошюры без согласования с нами. В дальнейшем необходимо строго руководствоваться нашим циркуляром за № 132 от 22/06/1927.

С получением сего срочно сообщите, кем было выдано разрешение на печать в вашей типографии брошюры Л.А. СЛОВОХОТОВА «О КЛАС-

СИКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». Кроме того, сообщите Ваш адрес, чтобы можно было нам в дальнейшем направлять материал непосредственно Вам.

Губинспектор по делам печати и зрелищ
Пьянов¹².

В разрешительной карточке брошюры Словохотова для типографии была только одна виза, принадлежащая районному уполномоченному по делам литературы города Балаково В.А. Мокроусову. Самарский цензор своей подписи в документах не оставлял. Мокроусов, по-видимому, благоволил автору брошюры, потому что его имя фигурирует и в обвинительном заключении по делу Словохотова в качестве лица, оказавшего литератору протекцию при устройстве регулярных оплачиваемых лекций в учебных заведениях, клубах и кружках Нижневолжского края, куда в 1928 г. вошел Саратов.

Но не только Словохотов использовал этот способ сократить звенья цензурного надзора. Таким же образом поступил и декан педагогического факультета Саратовского университета В.В. Буш, который в том же году и в том же городе Балаково напечатал книгу «Литературная деятельность Глеба Успенского» под грифом Пушкинского Дома [5; 17].

Успешно обошел цензуру и Художественный театральный трест Саратова, о чем свидетельствует приводимый ниже документ:

Считаем необходимым довести до вашего сведения, что Художественным трестом несмотря на мнение Гублита, а также местных партийных и общественно-руководящих органов о ненужности постановки на сцене театра Чернышевского «Чайного цветка» Левина, последняя [пьеса. — А.Х.] была послана в Главрепертком, минуя Гублит и без его ведома¹³.

Если Словохотов отвез рукопись в соседнюю губернию, исключив одно цензурное звено, то руководитель Художественного треста отправил

12 ЦГАСО. Куйбышевское краевое управление по делам литературы и издательств. Годовые отчеты о деятельности Пугачевского инспектора по делам печати и зрелищ. Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

13 ГАНИСО. Саратовский губком ВКП(б). Протоколы, выводы по обследованию клубов. Ф. 27. Оп. 4. Д. 737. Л. 7.

пьесу сразу в Москву, вообще не размениваясь на обсуждения с провинциальными контролирующими органами.

Печатание иногородних авторов не было единичным случаем, и в архиве отложились документы, свидетельствующие об имевших место нарушениях, которые связаны с «гастролерами»: «Печатание материалов иногороднего издательства разрешено по предъявлению допуска того органа <...>, где зарегистрировано издательство...»¹⁴.

Попытки сократить круги цензуры не оставались незамеченными контролирующим организациям, чему находим подтверждение в следующем циркуляре:

Замечено, что некоторые авторы, издания коих не разрешены Главлитом к печатанию, получают разрешения в том или ином Гублите, и, таким образом, неприемлемые по тем или другим соображениям книги, брошюры и т. п. выходят в свет... Подтверждая обязательность вдумчивого и строгого подхода со стороны органов Главлита в отношении просмотра авторских изданий... Главлит вместе с тем предлагает быть особенно осторожными при разрешении изданий тех авторов, в отношении которых у органов Главлита есть сведения, что они проживают в Москве и Ленинграде¹⁵.

Исследователи волгоградских архивов правы, когда пишут: «Ни одно издание не могло быть выпущено из типографии до представления в Гублит своих экземпляров» [4, с. 163]. Но императивы партийных документов — это юридическая сторона вопроса, которую необходимо сопоставлять с практикой исполнения циркуляров. В объяснительных записках руководителей клубов показано реальное состояние дел в провинции: «Руководство <...> со стороны Губполитпросвета <...> не ведется, нет твердых указаний о том, что воспрещается и что разрешается»¹⁶.

Эти примеры показывают, что при изучении судебных запрещенных цензурой в период НЭПа изданий необходимо отказаться от практики изуче-

14 ЦГАСО. Куйбышевское краевое управление по делам литературы и издательств. Циркуляры и инструкции Главного управления по делам литературы и издательств. Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

15 Там же. Л. 14.

16 ГАНИСО. Ф. Саратовский губком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Ф. 27. Оп. 4. Д. 945. Л. 33.

ния литературной политики только по партийным архивам и обращаться к перечню книг, опубликованных в других регионах страны, рассматривая попутно разрешительные карточки для типографий.

Материалы самарского архива позволяют также выявить темы, обращение к которым влекло исключение книги из списка рекомендованных к изданию. Для 1923 г. среди таких тем были экспорт хлеба, концессии, курс облигаций выигрышного займа, выдача части зарплаты облигациями. В 1926 г. запрещалось говорить о бандитских налетах на поезда, о сведениях по внешней торговле. В 1927 г. запретными темами считались неблагоприятные виды на урожай и добыча платины. Обсуждение перечисленного запрещалось не только в Саратове и Самаре, но и в целом по стране.

Интересен в этом отношении подход к изданию книг религиозной тематики. И здесь мы наблюдаем отсутствие выстроенной с точки зрения партийной идеологии системы: один и тот же тип издания, а именно религиозный календарь, запрещался на одной территории и разрешался на другой. Так, в Самарской губернии гр. А.И. Анисимову Главлит отказал в разрешении на печать в 1928 г. религиозного календаря¹⁷. Копия документа была отправлена в нижестоящее звено — Самарский Гублит. В это же время на территории АССР НП на печать такого же вида издания разрешение было дано: «Главлит <...> решил печатать в типографии Немреспублики 10000 экземпляров христианских календарей на 1928 год»¹⁸.

Любопытна и та причина, по которой у АССР НП возникла необходимость в календарях. Оказывается, к тому побудила успешная реализация годом ранее 15000 католических катехизисов¹⁹.

Чтобы понять масштаб публикации катехизисов в автономии НП, скажем, что указанным тиражом в 15000 экземпляров можно было бы обеспечить приблизительно одну пятнадцатую часть населения Саратова тех лет [25]. Этот объем превышает тираж любого художественного издания, вышедшего на территории АССР НП в годы НЭПа, где в 1923–1925 гг. художественные книги печатались в количестве от 2500 до 5000 экземпля-

17 ЦГАСО. Куйбышевское краевое управление по делам литературы и издательств. Циркуляры и инструкции Главного управления по делам литературы и издательств по вопросам издания литературы. Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

18 ГАНИСО. Саратовский губернский отдел профсоюза работников просвещения. Протоколы. Ф. 6107. Д. 553. Оп. 1. Л. 2. об.

19 Там же. Л. 2 об.

ров²⁰. На 1 января 1926 г. в 94 фундаментальных и 204 передвижных библиотеках саратовских профсоюзов хранилось 164162 тома книг²¹, к этому моменту общая численность членов профсоюзов по губернии составляла 125175 человек²². Это означает, что в среднем обеспеченность губернского профсоюзного читателя книгой не превышала уровень в 1,5 экземпляра на человека. Во время тиражирования на территории АССР НП религиозной литературы в Саратовской губернии, где проживало преимущественно русское население, еще не была ликвидирована неграмотность (этот процесс успешно завершился лишь в 1931 г. [16, с. 333]). Таким образом, в условиях, когда приоритетными политико-идеологическими задачами были ликвидация неграмотности и обеспечение советского населения пролетарской книгой, государственные субсидии, которые постоянно отпускались АССР НП, направлялись далеко в сторону от советской идеологической траектории. О размере этих субсидий свидетельствует источник: «Отпустить Нем-республике в помощь газетам, журналу и издательству дотацию в размере... 27 000 рублей на 1924–1925 год»²³. Для сравнения в том же году культфонды саратовских профсоюзов собрали всего 15346 руб.²⁴, что было недостаточно, как свидетельствуют документы, для постановки клубной работы и проведения литературных мероприятий.

Очевидно, что выделяемые автономии средства расходовались на благо национальной просветительно-издательской миссии, а пролетарские идеологические ценности отходили на второй план. Например, передовица ведущего издания немецкой автономии «Унзере Виртшафт» 7 ноября 1926 г., на девятую годовщину революции, не содержала ни портрета В.И. Ленина, ни каких-либо сведений о памятной дате. Зато на ней был изображен обильный урожай с указанием на немецком языке места его сбора — кантон Каменка. Во многих других номерах «Унзере Виртшафт» обнаруживается внимание не столько к задачам социалистического стро-

20 ГАНИСО. Областной комитет РНП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1086. Л. 2 об.

21 Там же. Ф. 27. Саратовский губком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Планы работы и отчеты по работе отдела. Оп. 4. Д. 321. Л. 45.

22 Там же. Ф. 27. Саратовский губком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Планы работы и отчеты по работе отдела. Оп. 4. Д. 321. Л. 45.

23 ГАНИСО. Областной комитет РНП. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1079. Л. 59.

24 Там же. Ф. 27. Саратовский губком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Планы работы и отчеты по работе отдела. Оп. 4. Д. 322. Л. 68.

ительства, сколько к сугубо национальным темам. Например, приводятся размышления на тему о том, как было бы прекрасно собраться всем немцам на территории одной страны и т. п.

На этом фоне саратовская ячейка ВАПП (Всероссийской ассоциации пролетарских писателей), собиравшая на свои мероприятия в 1927 г. приблизительно 1000 человек в месяц [22, с. 323], что свидетельствует о высоком уровне агитационно-организационной работы, не имела ни одного печатного сборника, изданного в годы НЭПа. Русскоязычные пролетарские писатели не получили, таким образом, на печать и малой доли средств, выделенных автономии, занимавшей территориально меньшую площадь, чем Саратовская губерния. Характерно, что в Саратовском архиве отложились решения компетентных органов автономии о прекращении печатания сборников немецкоязычной пролетарской литературы, так как она лежала нераспроданной на складах.

Как мы видим, издательская политика и цензура в области провинциальной печати периода НЭПа несли на себе следы специфической книгоиздательской стратегии, связанной с политикой коренизации, и отличалась от центра идеологической асимметричностью. Во-первых, не была сбалансирована ось «коренное население — национальные меньшинства». Религиозная литература, не имеющая отношения к православию, оказалась в особых условиях. Она выходила, как можно наблюдать, колоссальными тиражами на фоне явного отставания в отдельных губерниях пролетарской литературы. В условиях действовавшей политики особого отношения к интересам национальных меньшинств в совокупности с государственной поддержкой немецкого книгоиздания, на территории автономии фактически мог быть напечатан более широкий спектр литературы, чем в соседней Саратовской губернии.

Во-вторых, на всех отрезках НЭПа еще был возможен пропуск цензурных звеньев при движении рукописи из периферии в центр, как было показано в статье. На этом пути высокую скорость движению рукописи придавали личные связи автора и цензора.

Таким образом, только комплексный подход, при котором партийные документы сопоставляются с поистине изученными разрешительными карточками для типографий, поможет понять, что происходило в стране в издательском деле на практике. Чтение официальных партийных докумен-

тов призвано убедить нас в том, что «цензура в области печатного слова нарастала», но, как мы видим, это общее суждение слишком упрощает реальное положение вещей. Просмотр же периферийной печати, включающий литературу на языках национальных меньшинств, с уточнением библиографии по лежащим сейчас в пыли провинциальных хранилищ документам, неизбежно выведет изучение института советской цензуры на новый уровень.

Список литературы

- 1 *Батулин П.В.* Создание советской военной цензуры в 1918 году // Военно-исторический архив. 2010. № 2 (122). С. 120–137.
- 2 *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 322 с.
- 3 *Блюм А.В.* Частные и кооперативные издательства 1920-х годов под контролем Главлита (по архивным документам) // Книга: Исследования и материалы. 1993. Т. 66. С. 175–191.
- 4 *Булюлина Е.В., Токарева Л.С.* Документы местных органов политической цензуры (на материале Нижнего Поволжья) // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 6, № 320. С. 162–166.
- 5 *Буш В.В.* Литературная деятельность Глеба Успенского (очерки) // Труды Пушкинского Дома при АН СССР. Балаково: Тип. Горсовета, 1927. 264 с.
- 6 *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
- 7 Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 428 с.
- 8 *Дианов С.А.* Издательское дело на Урале в 1920–1930-е гг.: цензурный контроль // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11), ч. III. С. 51–55.
- 9 *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 367 с.
- 10 *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород: Волго-Вятская академия гос. службы, 2000. 540 с.
- 11 *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением советской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 1995. 164 с.
- 12 История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. 672 с.

- 13 *Клепиков Н.Н.* Политическая цензура на Архангельском Севере в 1920-е — 1930-е гг. // XV международные Ломоносовские чтения. Сб. научных трудов. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2003. С. 46–51.
- 14 *Крылова А.В.* Взаимодействие агитпропотделов партийных комитетов РКП(б) и органов Главполитпросвета в центре и на местах в первой половине 1920-х годов // Вестник Самарского университета. История, филология, педагогика. 2017. № 2. Т. 23. С. 26–29.
- 15 *Очерки истории Саратовского Поволжья 1917–1941.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Т. 3, ч. 1 / под ред. Ю.Г. Голуба. 492 с.
- 16 *Плампер Я.* Запрет на двусмысленность: советская цензурная практика 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 6. С. 141–161.
- 17 Пушкинский Дом. Библиография трудов / сост. А.К. Михайлова. Л.: Наука, 1981. 324 с.
- 18 *Ситникова Т.В.* Цензурой запрещено: к вопросу взаимоотношений царицынских периодических изданий рубежа XIX–XX веков с властью // Жизнь провинции: материалы и исследования. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2015. С. 188–193.
- 19 *Словохотов Л.А.* О классиках русской литературы. Саратов: Тип. Горсовета в Балакове, 1927. 195 с.
- 20 «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. 319 с.
- 21 *Хрусталева А.В.* «Букашка в ниве русской литературы»: письмо Л.А. Словохотова к П.Н. Сакулину // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 202–212.
- 22 *Хрусталева А.В.* Профсоюзы и литературная политика в провинции периода НЭПа (К вопросу о становлении института цензуры) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 323–329. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-316-333
- 23 *Цензоры Российской империи, конец XVIII — начало XX века / О.Ю. Абакумов и др.* СПб.: Российская национальная библиотека, 2013. 480 с.
- 24 «Черная година». Двухнедельный журнал Саратовской губернской комиссии помощи голодающим. Саратов. 1922. № 1.
- 25 *Шарошкин Н.А.* Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е годы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 319 с.
- 26 *Яковлев А.С.* Терновый венец // Пересвет. М.: Р.В.Ц., 1921. С. 72–115.

References

- 1 Batulin P.V. Sozdanie sovetskoi voennoi tsenzury v 1918 godu [Invention of Soviet military censorship]. *Voенно-istoricheskii arkhiv*, 2010, no 2 (122), pp. 120–137. (In Russ.)
- 2 Blium A.V. *Za kulisami “Ministerstva pravdy”. Tainaia istoriia sovetskoi tsenzury, 1917–1929* [Behind the curtains of “The Ministry of Truth.” The hidden history of Russian censorship, 1917–1929]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 322 p. (In Russ.)
- 3 Blium A.V. Chastnye i kooperativnye izdatel'stva 1920-kh godov pod kontrolom Glavlita (po arkhivnym dokumentam) [The private and cooperative publishing houses under the rule of Glavlit]. In: *Kniga: Issledovaniia i materialy* [Book: research and materials], 1993, vol. 66, pp. 175–191. (In Russ.)
- 4 Buliulina E.V., Tokareva L. Dokumenty mestnykh organov politicheskoi tsenzury (na materiale Nizhnego Povolzh'ia) [The documents of regional political censorship organs]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2012, vol. 6, no 320, pp. 162–166. (In Russ.)
- 5 Bush V.V. Literaturnaia deiatel'nost' Gleba Uspenskogo (oчерki) [The literary work by Gleb Uspensky]. In: *Trudy Pushkinskogo Doma pri AN SSSR* [Proceedings of the Pushkin House at the USSR Academy of Sciences]. Balakovo, Tipografiia Gorsoveta Publ., 1927. 264 p. (In Russ.)
- 6 Goriaeva T.M. *Politicheskaiia tsenzura v SSSR. 1917–1991* [The political censorship in the USSR 1917–1991]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 407 p. (In Russ.)
- 7 *Gubernskaia vlast' i slovesnost': literatura i zhurnalistika Saratova 1920-kh godov* [Regional authorities and literature]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 2003. 428 p. (In Russ.)
- 8 Dianov S.A. Izdatel'skoe delo na Urale v 1920–1930-e gg.: tsenzurnyi kontrol' [The Ural publishing in the 1920–1930s]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no 5 (11), part III, pp. 51–55. (In Russ.)
- 9 Zhirkov G.V. *Istoriia tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [The history of censorship in Russia in 19th–20th centuries]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2001. 367 p. (In Russ.)
- 10 Zelenov M.V. *Apparat TsK RKP(b)–VKP(b), tsenzura i istoricheskaiia nauka v 1920-e gody* [The Central Committee of RKPb–VKPb, Censorship and historical studies in the 1920s]. Nizhnii Novgorod, Volgo-Viatskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby Publ., 2000. 540 p. (In Russ.)
- 11 Izmozik V.S. *Glaza i ushi rezhima: Gosudarstvennyi politicheskii kontrol' za naseleniem sovetskoi Rossii* [The eyes and ears of the regime, the state political control over the population of the Soviet Russia]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov Publ., 1995. 164 p. (In Russ.)
- 12 *Istoriia sovetskoi politicheskoi tsenzury. Dokumenty i kommentarii* [History of the Soviet political censorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 672 p. (In Russ.)

- 13 Klepikov N.N. Politicheskaia tsenzura na Arkhangel'skom Severe v 1920-e – 1930-e gg. [Political censorship in Archangelsk North]. In: *XV mezhdunarodnye Lomonosovskie chteniia. Sb. nauchnykh trudov* [XV International Lomonosov conference. Conference proceedings]. Arkhangel'sk, Pomorskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2003, pp. 46–51. (In Russ.)
- 14 Krylova A.V. Vzaimodeistvie agitpropotdelov partiinykh komitetov RKP(b) i organov Glavpolitprosveta v tsentre i na mestakh v pervoi polovine 1920-kh godov [The Interaction of agitation and propaganda organs with Glavpolitprosvet in the center and in the regions] *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, filologiiia, pedagogika*, 2017, no 2, vol. 23, pp. 26–29. (In Russ.)
- 15 *Ocherki istorii Saratovskogo Povolzh'ia 1917–1941* [Essays on Saratov Volga Region history]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 2006. Vol. 3, part 1, ed. by Iu.G. Golub. 492 p. (In Russ.)
- 16 Plamper Ia. Zapret na dvusmyslennost': sovetskaia tsenzurnaia praktika 1930-kh godov [Ban on ambiguity, Soviet censorship practice in the 1930s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, no 6, pp. 141–161. (In Russ.)
- 17 *Pushkinskii Dom. Bibliografiia trudov* [The Bibliography of The Pushkin House], comp. by A.K. Mikhailova. Leningrad, Nauka Publ., 1981. (In Russ.)
- 18 Sitnikova T.V. Tsenzuroi zapreshcheno: k voprosu vzaimootnoshenii tsaritsynskikh periodicheskikh izdaniia rubezha XIX–XX vekov s vlast'iu [Prohibited by censorship. On the interaction between Tzaritsyn periodicals and authorities]. In: *Zhizn' provintsii: materialy i issledovaniia* [Provincial life: materials and research]. Nizhnii Novgorod, Diatlovy gory Publ., 2015, pp. 188–193. (In Russ.)
- 19 Slovkhotov L.A. *O klassikakh russkoi literatury* [About the classics of Russian literature]. Saratov, Tipografiia Gorsoveta v Balakove Publ., 1927. 195 p. (In Russ.)
- 20 “*Schast'e literatury*”. *Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg. Dokumenty* [“Happiness of Literature.” The state and writers], comp. by D.L. Babichenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 319 p. (In Russ.)
- 21 Khrustaleva A.V. “Bukashka v nive russkoi literatury”: pis'mo L.A. Slovkhotova k P.N. Sakulinu [An Insect in the grainfield of Russian literature, a letter by Slovkhotov to Sakulin]. *Siuzhetologiiia i siuzhetografiia*, 2017, no 1, pp. 202–212. (In Russ.)
- 22 Khrustaleva A.V. Profsoiuzy i literaturnaia politika v provintsii perioda NEPa (K voprosu o stanovlenii instituta tsenzury) [Trade Unions and literary policy in the regions of the New Economy Policy Period]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 4, pp. 323–329. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-316-333
- 23 *Tsenzory Rossiiskoi imperii, konets XVIII – nachalo XX veka*, O.Iu. Abakumov i dr. [The Censors of Russian Empire in the 18th–20th centuries]. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2013. 480 p. (In Russ.)

- 24 “*Chernaia godina*”. Dvukhnedel’nyi zhurnal Saratovskoi gubernskoi komissii pomoshchi golodaiushchim [*Chernaya Godina*. Two-week magazine of the Saratov provincial hunger relief commission]. Saratov, 1922, no 1. (In Russ.)
- 25 Sharoshkin N.A. *Promyshlennost’ i rabochie Povolzh’ia v 1920-e gody* [Enterprise and workers in the Volga Region of the 1920s]. Penza, Penza State Pedagogical University. 319 p. (In Russ.)
- 26 Iakovlev A.S. Ternovyi venets [Crown of thorns]. *Peresvet*. Moscow, R.V.Ts. Publ., 1921, pp. 72–115. (In Russ.)